

The background of the book cover is a photograph of a woman with dark hair in a bun, seen from behind, looking out a window. She is wearing a light-colored, long-sleeved blouse. The window has sheer white curtains. Outside, a scenic landscape is visible at sunrise or sunset, featuring a valley with a small village, rolling hills, and snow-capped mountains in the distance. The sun is low on the horizon, creating a warm, golden glow. A small green plant in a pot is visible in the lower-left corner.

Другой кислород

Биография

Виктория Гармашова

Виктория Гармашова

Другой кислород

<https://litres.ru/74393048>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Другой кислород» - это честная история жизни, в которой были потери, болезни, поиски Бога, ожидания, сомнения и неожиданные повороты.

Это рассказ о том, как человек может долго идти к тому, чего хочет, а потом обнаружить, что бог приготовил для него совсем другой путь.

В этой книге – история семьи, веры, служение, испытаний и чудесных исцелений. История о том, как научиться доверять Богу, жить сегодняшним днём и увидеть в собственной жизни то, чего раньше не замечал.

Это не история идеальной жизни. Эта история настоящей жизни – со страхами, надеждами, ошибками, любовью и любовью и верой. И прежде всего – история о боге, который знает будущее человека гораздо лучше него самого.

Содержание

От автора	6
Глава 1. Дом	7
Глава 2. Когда нас не было дома	13
Глава 3. Маленькая уточка	16
Глава 4. Возвращение	19
Глава 5. Школа, в которую я не хотела	22
Глава 6. Та, которую боялись	25
Глава 7. Бог, Которого я знала ещё до церкви	27
Глава 8. Со мной что-то произошло	30
Глава 9. «Я уже живу другой жизнью»	33
Глава 10. Мои люди	35
Почему я всё-таки ушла	38
Глава 11. Ты мне нужен	39
Не жених	41
«А ты скоро женишься»	43
Что между нами?	45
Когда свадьба?	47
Благословение	49
Наше первое жильё	51
Открытое окно	53
Теперь нас трое	55
Глава 12. Выйти в море	57
Слово	58

Снова в служении	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Гармашова

Другой кислород

«Ибо мы Им живем и движемся и существуем».

Деяния 17:28

От автора

Эта книга — не попытка рассказать о себе всё. У каждого человека есть страницы, которые должны оставаться только между ним, Богом и теми, кому они принадлежат. Поэтому где-то я сознательно не называю имён, не указываю мест и не раскрываю подробностей.

Мне хотелось рассказать не историю «сильной женщины» и не собрать доказательства того, что я со всем справилась сама. Если попробовать сказать о моём пути одной фразой, я бы сказала иначе: Бог пронёс меня на руках.

Моя жизнь много раз менялась. Иногда менялись обстоятельства, люди, церкви, планы. Иногда внешне не менялось почти ничего — менялась я сама. Бывали времена, когда становилось тесно и как будто нечем дышать. А потом появлялся другой воздух, другой этап, другой кислород.

Я пишу эту книгу не потому, что считаю свой путь особенным больше, чем путь другого человека. Мне самой всегда было интересно узнавать, как Бог ведёт людей. И если в моей истории кто-то увидит часть своей, получит надежду, задаст Богу важный вопрос или просто решится жить дальше — значит, эти страницы были написаны не зря.

Глава 1. Дом

Я родилась в 1975 году.

Когда пытаешься вспомнить самое раннее детство, оно почему-то возвращается не годами и датами. Оно возвращается картинками.

Я помню больницу, где лежал мой младший брат. Мы пришли к нему с бабушкой, но к нам его почему-то не выпустили. Я видела его издалека. В руках у него был апельсин.

И всю дорогу потом я хныкала:

- Я тоже хочу апельсин.

Апельсины тогда не лежали круглый год в каждом магазине. Времена были совсем другие, и жили мы небогато. К тому же апельсины считались дефицитом.

А бабушка убеждала меня:

- Это не апельсин. Это мячик.

Не знаю, кого она хотела обмануть - меня или саму себя. Но мне до сих пор кажется, что это всё-таки был апельсин.

Бабушку звали Анастасия Прокопьевна.

По-настоящему моей мамой была именно она.

Моя родная мама появлялась в нашей жизни периодами. Иногда жила рядом, иногда забирала к себе брата, но большую часть детства мы жили с бабушкой. И я не помню, что-

бы ревновала брата, когда мама забирала его, а меня оставляла. Не помню даже обиды. Я сама хотела оставаться дома, а дом был там, где была бабушка. Я могла приходить к маме в гости в любой момент, когда мне этого хотелось.

У меня была бабушка.

Наверное, поэтому мне казалось, что у меня есть мама.

Анастасия Прокопьевна была простым человеком. Именно простым в хорошем смысле этого слова. Без высокомерия, без желания казаться кем-то. Добрая, справедливая, порядочная. Она могла быть строгой, но жестокости в ней не было. Она была сдержанной, довольно серьёзной, но ласковой.

И очень жертвенной.

Уже будучи пенсионеркой, бабушка работала дворником, чтобы содержать нас с братом.

Мы жили в хрущёвке. Кухня была маленькая. Осенью или в холодные дни бабушка включала газовую духовку, и мы сидели на кухне, грелись, а она вязала носки или рукавицы.

У бабушки была знакомая Маша, домоуправ. Когда Маша приходила и видела включённую духовку, она ругалась:

- Нельзя греться газом!

Газ тогда был общий, но дело, конечно, было не только в оплате. Это было просто опасно.

А мы всё равно грелись.

И почему-то, когда я сегодня думаю о детстве, я помню

именно это тепло.

Помню ещё дровяной титан. Даже летом бабушка могла его затопить, и вечером мы забегали домой с улицы, а от титана шло особенное тепло.

Наверное, поэтому слово «дом» для меня всегда значило намного больше, чем стены.

Дом - это место, куда хочется вернуться.

Так было в детстве.

Так осталось до сегодняшнего дня.

Мы жили небогато. Но я не могу сказать, что у нас чего-то не было.

Мебель была старая, но целая. Кровати были с панцирной сеткой и деревянными лакированными спинками. Телевизор был чёрно-белый в то время, когда у кого-то уже появились цветные.

Но телевизор был.

И всегда было чисто и уютно.

Еда была.

Бабушка давала нам деньги на булочки в школу.

К первому сентября у меня появлялись хорошие вещи.

Одна из бабушкиных дочерей работала в Доме быта и могла достать то, чего у других иногда не было. Мне заказывали хорошие вязанные кофты, приносили ручки и разные школьные мелочи.

У бабушки была ещё одна дочь — Татьяна, самая младшая. Она жила отдельно, но часто приезжала к нам на вы-

ходные вместе со своей семьёй. Мы всегда очень ждали этих приездов и готовились к ним — для нас это был настоящий маленький праздник.

Татьяна приезжала всей своей семьёй — с мужем Андреем и сыном Максимом, которого мы все очень любили. Она тоже старалась помогать бабушке всем, чем могла. Я хорошо помню и гостинцы, которые бабушка привозила, когда бывала у неё дома.

В моей собственной жизни тётя Татьяна тоже сыграла заметную роль. Пока я была маленькой, она дарила мне игрушки. А когда заметила, что я взрослею, стала дарить кремы и разные средства для ухода. Для девочки того времени такие вещи были особенными.

Однажды она подарила мне красивый набор из мельхиора. Он мне самой очень нравился. Позже я ходила в Дом пионеров, в кружок «КИД», где мы переписывались с детьми из дальнего зарубежья. Нашу преподавательницу звали Вера Васильевна. Она часто замечала этот набор и говорила: «Какой он красивый! Какая у тебя хорошая тётя — подарила тебе такой прекрасный набор». Мне было приятно это слышать, потому что я и сама дорожила этим подарком.

Мы жили скромно.

Но мы жили.

Конечно, я видела, что у других семей что-то было иначе. Рядом жила соседка, с которой бабушка близко общалась. Она была намного моложе бабушки и любила рассказывать,

что у них есть хорошие вещи - то одно, то другое.

У меня была подруга, жившая в нашем доме. Её мама могла поставить меня в пример собственной дочери:

- Посмотри на Вику. У неё всегда выглаженная юбочка, - говорила она, имея в виду, что даже самая скромная вещь у меня была аккуратной. Какие у неё хорошие платья.

(Кстати сказать, платья мне покупала тётушка. Такие были тоже в дефиците.)

Была и история с одноклассницей. У неё тоже была стеклянная корзиночка, и для меня было очень ценно, что такая же была и у нас дома. Её когда-то оставила тётушка перед отъездом в Германию, и я до сих пор благодарна ей за это. Эта корзиночка была мне дорога.

А мебельную стенку я придумала. В одном из детских разговоров одноклассница почему-то стала сравнивать, у кого что есть, и мне захотелось не уступить, отстоять свои позиции и показать, что у нас тоже всё нормально.

Иногда взрослые тоже обсуждали наш быт. Одна учительница могла сказать:

- Да у них дома ничего нет.

А я спорила:

- Как ничего? У нас кровати есть.

Она отвечала что-то про железные кровати, а я начинала объяснять, что спинки у них деревянные.

Мне хотелось сказать только одно: да, мы жили небогато, но дом у нас был нормальный, чистый и уютный. Бабушка делала для нас всё, что могла.

У нас было главное. У нас был дом.

Глава 2. Когда нас не было дома

Какое-то время в нашей жизни дома не было.

Маму лишили родительских прав.

Бабушке нас не отдавали из-за возраста. Не всё получалось, но вот тётя Галя всё-таки смогла оформить над нами опеку.

Но прежде чем мы вернулись домой, был детский дом.

Мы находились где-то в районе Осакаровки, недалеко от Караганды.

Точный срок сейчас мне трудно восстановить. Наверное, около года.

Мы с братом были совсем маленькими.

Он младше меня всего на год.

Но почему-то уже тогда я чувствовала за него ответственность.

Когда нас сначала поместили в распределитель, я рассказывала ему перед сном сказки.

Я их не читала.

Я придумывала их сама.

На ходу.

Мне самой было немного лет, но я лежала на соседней кровати, рядом с младшим братом, и сочиняла истории, пока он не засыпал.

Позже нас распределили дальше.

Однажды брат заболел и попал в больницу.

А из больницы вернулся другим ребёнком.

До болезни он был одним, а после стал злым, колючим, закрытым. Не хотел общаться. Ничего не рассказывал.

Мы никогда с ним это не обсуждали.

Как вообще никогда почти не обсуждали наш детский дом.

Мы выросли, жили рядом, ссорились, мирились, у каждого появилась своя жизнь - но между собой мы ни разу не сидели и не вспоминали:

«А помнишь детдом?»

Как будто этого года не существовало.

О своих переживаниях я тоже никому не рассказывала.

В детстве у меня часто очень сильно болел живот. Бывали настоящие приступы боли. Я лежала на кровати, скорчившись, и в такие моменты девочки могли издеваться надо мной.

Они кололи меня швейными иголками в пятки.

Мне и без того было больно.

Но я никому не сказала.

Ни медсестре.

Ни воспитателю.

Никому.

Почему?

Я до сих пор не знаю.

Меня никто не учил молчать о таком.

Я не боялась, что меня накажут за жалобу.

Просто я почему-то молчала.

Я почти никогда не плакала.

Я могла пережить что-то тяжёлое, отвернуться и идти дальше.

Не думать.

Не возвращаться.

Будто закрыть дверцу и продолжить жить.

Только спустя десятилетия, рассказывая эту историю, я вдруг почувствовала ком в горле.

Мне стало жалко ту девочку.

По-настоящему жалко.

Если бы сегодня я могла войти в ту комнату детского дома, я бы подошла к ней.

Я бы защитила её.

Взяла на руки.

Пожалела.

Помогла лечить её больной живот.

А тех девочек остановила бы. Поговорила бы с ними, объяснила, не позволила больше этого делать.

И мне очень хотелось бы забрать ту маленькую девочку оттуда.

Но тогда она просто пережила ещё один день.

И пошла дальше.

Глава 3. Маленькая уточка

Из детского дома у меня осталось ещё одно воспоминание.

Совсем другое.

Однажды к нам приехали какие-то люди.

Сейчас, спустя много лет, я думаю, что это были христиане. Тогда я этого не знала.

Они показывали нам кукольный театр.

Мы сидели, смотрели, нам было интересно.

Я не помню сюжет.

Не помню персонажей.

Не помню, что они говорили.

Но я помню одну девушку.

Мы, дети, потом подошли к этим людям. Кажется, они стояли в ряд возле сцены.

Я стояла рядом с девушкой. Она меня обняла.

И мне кажется, она молилась за меня.

Я не могу сегодня утверждать это как точный факт. Это воспоминание дошкольного ребёнка. Тогда я не знала, как ведут себя христиане, что такое молитвенное служение, зачем верующие ездят в детские дома.

Я помню объятие.

Кажется, помню свои слёзы.

А уже взрослой, став христианкой, я стала возвращаться

к той сцене и думать: наверное, они молились за детей.

Наверное, та девушка молилась за меня.

После встречи каждому ребёнку подарили игрушку.

Мне досталась маленькая уточка.

Нам сказали положить игрушки в шкаф и объяснили, что они будут храниться там, мы сможем их видеть и играть с ними.

Несколько дней уточка была в шкафу.

А потом игрушки исчезли.

Не знаю куда.

Но моя уточка почему-то не исчезла из моей памяти.

Прошло много лет.

У меня появилась резиновая уточка.

Потом металлическая.

Иногда яставляю их где-нибудь на видное место.

Но это не та уточка.

Ту я помню до сих пор.

И иногда думаю о той девушке, которая сегодня уже, конечно, намного старше меня.

Знает ли она, за кого тогда молилась?

Помнит ли вообще маленькую девочку в детском доме?

Если бы я могла встретить её сегодня, одной фразой я сказала бы:

«Спасибо».

А если бы мне позволили говорить дольше, я рассказала

бы ей всю свою жизнь.

Я рассказала бы, как потом искала Бога.

Как пришла к Нему.

Как читала Писание.

Как проповедовала.

Как служила людям.

Как сама молилась за тех, кого когда-то никто не замечал.

Как спустя много лет стала нести пастырское служение.

Как написала книги о Боге.

Я не знаю, была ли именно та молитва причиной всего этого.

Не хочу приписывать человеку то, что принадлежит Богу.

Возможно, за меня молились многие люди, которых я никогда не узнаю.

Возможно, та девушка молилась всего лишь о том, чтобы нас скорее забрали домой.

И ведь нас действительно забрали.

Может быть, она просила Бога хранить меня.

Я не знаю.

Но если хотя бы маленькая часть сегодняшнего плода моей жизни выросла из семени той молитвы, я хотела бы, чтобы она знала:

её труд не был тщетен.

Бог услышал.

И маленькая девочка с уточкой не потерялась.

Глава 4. Возвращение

За нами приехали бабушка и тётя Галя.

Я очень хорошо помню дорогу домой.

Детям расстояния всегда кажутся длиннее.

Мы ехали в машине и ели арахис.

Я объелась орехов, меня ужасно тошнило, было плохо.

А потом мы приехали домой.

Там нас ждала мама.

Кажется, рядом был и Борис, мужчина, с которым она тогда жила.

К Борису я в детстве относилась плохо. Сейчас мне стыдно это признавать, но я ненавидела его из-за того, что он имел другую национальность.

Это было детское предубеждение, которое сегодня я оцениваю совершенно иначе.

Сам Борис относился к нам хорошо.

А мама в тот день подарила мне игрушку.

Это была резиновая девочка, что-то вроде русской красавицы в длинном нарядном платье.

Я была счастлива.

Бегала с ней весь вечер.

Потом ещё несколько дней играла.

Наверное, она была мне дорога не только потому, что я вернулась из детского дома и получила новую игрушку.

Её подарила мама.

Какой бы мама ни была, ребёнку всё равно хотелось иметь маму.

При нашем отъезде из детского дома случилось ещё кое-что.

Директриса меня поцеловала в щёку.

Я не знаю, насколько сильно сама заметила этот момент, но его заметила бабушка.

Позже она вспоминала:

- Представляешь, как к тебе хорошо относились. Директор тебя даже поцеловала.

Бабушка вообще очень тяжело переживала наше отсутствие.

Потом она рассказывала, что могла проснуться ночью, потому что ей казалось: мы стоим где-то за балконом и кричим:

- Баба!

Она выбегала к окну, на балкон.

Нас, конечно, там не было.

Мне кажется, она чуть не сходила с ума без нас.

И в конце концов мы всё-таки вернулись.

Опекунство оформила тётя Галя.

Она была очень похожа на бабушку своей добротой, только, как мне тогда казалось, даже ещё добрее.

Она любила детей.

Работала на хлебозаводе.

Много пекла.

Всегда приносила гостинцы.

Мы часто ходили к ней с бабушкой, а когда я стала старше, я и сама постоянно бегала к ней.

Тётя Галя умерла рано.

Мне было около десяти лет.

Но до этого она успела сделать главное - стать тем человеком, благодаря которому нас юридически смогли вернуть в семью.

Иногда судьбу человека меняют не громкие герои.

Иногда это тётушка, которая просто однажды говорит:

«Да. Я возьму опекунство».

Глава 5. Школа, в которую я не хотела

Школу я не любила.

Никогда.

Даже сегодня мне трудно назвать одно событие, которое стало причиной этой нелюбви.

Просто там мне было плохо.

Мне всегда хотелось домой.

Иногда я называю себя ребёнком-дикарём.

Хотя это странно звучит, потому что вокруг меня всегда были люди. У меня были подруги. Я общалась. Позже я вообще стала душой компании.

Но внутри я словно не особенно нуждалась в коллективе.

Мне было хорошо дома.

В школе - нет.

Училась я плохо.

Вернее, средне. В основном на тройки.

Но сегодня я совершенно точно знаю: дело было не в том, что я была глупой.

Меня просто не научили учиться.

Мне никто не показал, как понимать материал, как разбирать его, как заниматься системно.

Когда попадался предмет, который я понимала, мне ста-

новилось интересно.

Когда не понимала - я просто списывала.

Девочки сидели впереди, я списывала у них довольно точно, но всё равно получала тройки.

А если бы не списывала, наверное, получала бы двойки.

Учителя могли кричать.

Могли унижать за незнание.

В те годы могли и ударить указкой.

Мне всё это было чуждо.

Я считала годы до окончания школы.

Буквально.

Сколько осталось?

Когда наконец всё это закончится?

Интересно, что дома при этом я могла играть... в школу.

Рассаживала игрушки.

Была учительницей.

Что-то им объясняла.

Получается, я не ненавидела саму идею учёбы.

Я ненавидела школу, в которой учиться мне было неинтересно и часто некомфортно.

Дома у меня был свой стол.

Я его очень любила.

Сам стол был неудобным, нефункциональным, внешне мне не особенно нравился.

Но он был мой.

Я могла разложить там свои вещи.

Делать уроки.

Сидеть за своим местом.

С братом личные границы вообще были сложной темой. Он мог ломать мои игрушки, рвать их, даже поджигать.

Но за моим столом, насколько я помню, он не занимался.

Это было моё пространство.

И, наверное, уже тогда я очень нуждалась хотя бы в маленьком кусочке мира, который можно устроить по-своему.

Глава 6. Та, которую боялись

Примерно в двенадцать лет я начала меняться.

Самое странное, что до этого я много раз смотрела на маму, которая пила и курила, и говорила себе:

«Я никогда не буду курить».

А потом в двенадцать лет начала курить сама.

Стала выпивать.

Ходить на дискотеки.

Драться.

Мне очень хотелось попробовать наркотики.

Слава Богу, этого не произошло.

Но я постепенно становилась совсем другой девочкой.

Дерзкой.

Грубой.

Такой, которую многие боялись.

Я могла сама подойти к кому-то, придраться, устроить драку.

Кого-то била я.

Кто-то бил меня.

Но у меня появилась репутация.

Я была «грозой».

Не для всех, конечно. Иногда детский мир жесток.

И самое интересное - внутри я вовсе не была такой бес-

страшной.

Я могла быть трусливой.

Просто научилась играть роль.

Если окружающие верят, что ты сильная и опасная, они начинают вести себя с тобой иначе.

Наверное, я довольно рано научилась этому искусству - выглядеть не так, как чувствуешь себя внутри.

В подростковые годы у меня была одна непростая история с девочкой из нашего круга. Между нами время от времени возникали конфликты, и иногда всё заходило слишком далеко. Я не хочу придавать этой истории большого значения: это был один из эпизодов моего подросткового времени.

В какой-то момент мне просто очень захотелось, чтобы всё это закончилось, и я стала молиться Богу.

К тому времени Бог в моей жизни уже был.

Гораздо раньше, чем церковь.

Глава 7. Бог, Которого я знала ещё до церкви

Бабушка верила в Бога.

Она не ходила в церковь.

Дома у неё была икона.

Она молилась и учила меня верить.

Только вера у неё была тихая, почти спрятанная:

«Верь в душе. Не надо всем рассказывать».

Она знала о Боге немного и говорила мне ровно столько, сколько знала сама.

Однажды в школе девочки спрашивали у всех подряд:

- Ты веришь в Бога?

Когда очередь дошла до меня, я ответила:

- Нет.

Но внутри сразу сказала:

«Господи, Ты же знаешь, что я верю в Тебя».

Я сказала «нет» для их ушей.

Мне казалось, что так и надо - вера должна оставаться внутри.

В нашей семье появились новые родственники - сёстры Анна и Елена. Когда я оставалась у Анны ночевать, она включала аудиозаписи с христианскими песнями. Особенно важной для меня стала Елена - Лена, как я её называла.

Лена была христианкой-лютеранкой.

Иногда я брала у неё читать Библию.

До этого Библия была для меня книгой, которую я читала, но почти не понимала.

Разум словно был закрыт.

Лена рассказывала мне притчи Иисуса Христа простым языком.

И я понимала.

Вот это было главным.

Она говорила - и вдруг становилось ясно, о чём идёт речь.

И меня тянуло дальше.

Из всех тех разговоров особенно запомнились слова о том, что если человек отречётся от Христа перед людьми, Христос отречётся от него.

И тогда я вспомнила тот школьный день.

«Веришь в Бога?»

«Нет».

Мне стало страшно.

Я очень долго мучилась.

Рассказывала Лене.

Каялась.

Мы вместе произносили молитву покаяния.

А Лена объясняла:

- Ты не отреклась от Него сердцем. Тебя мучает совесть.
Покайся, Бог простит тебя. Просто больше так не делай.

Сегодня я знаю: Бог меня простил.

Но тот эпизод научил меня важному.

Верить только «в душе» мне оказалось мало.

Если я принадлежу Богу, однажды это должно стать правдой и снаружи.

Глава 8. Со мной что-то произошло

Потом мне попалась христианская книга.

Я прочитала её дома.

Я ещё не ходила в церковь и многого не понимала.

Передо мной была икона - так я тогда понимала обращение к Богу.

Я произнесла молитву покаяния.

И произошло то, что я до сих пор не могу объяснить только эмоциями.

Мне стало физически легко.

Как будто с меня сняли огромный груз.

Я чувствовала эту лёгкость телом.

Позже я назвала это рождением свыше.

Тогда я ещё не знала всех этих слов.

Я просто знала:

со мной что-то произошло.

Самое удивительное - некоторые вещи начали отпадать почти сразу.

Алкоголь.

Сигареты.

Мат.

Компания, в которой я жила раньше.

Какое-то время я могла ещё находиться рядом с прежними

ми людьми. Возможно, даже по привычке курила.

Но внутри мне это уже было не нужно.

Я стала свободна раньше, чем успела научиться выглядеть «правильной христианкой».

Меня тянуло в церковь.

Я читала христианские книги, но многое по-прежнему не понимала. Мне не хватало людей, которые могли бы объяснить.

На какое-то время мы уехали в Россию, примерно на три месяца.

Когда вернулись, я ещё немного искала.

А потом пришла в церковь.

И осталась.

Там пели христианские песни.

И когда звучали песни, я плакала.

Я, которая почти никогда не плакала от боли.

Не плакала в детском доме.

Не рассказывала, когда меня обижали.

Не привыкла жалеть себя.

А здесь слёзы текли сами.

Это были другие слёзы.

Не горечь.

Не жалость.

Скорее очищение.

Сегодня я сказала бы: Дух Святой касался моего сердца.

Тогда я просто плакала.

Я начала понимать, что такое грех.

Что такое праведность.

Что мне нужно.

Чего я больше не хочу.

Прежняя жизнь ещё находилась совсем рядом, но я уже не могла ею дышать.

Мне нужен был другой кислород.

Глава 9. «Я уже живу другой жизнью»

Та подростковая история с девочкой из нашего круга ещё какое-то время продолжалась.

Однажды, когда я уже собиралась идти в церковь, мы встретились. Снова произошёл неприятный разговор, и она пару раз ударила меня по лицу.

И тогда я сказала:

- У меня теперь совсем другая жизнь. Отстань от меня.
Я не смогла произнести:

«Я христианка».

Хотя к тому времени уже ходила в церковь.

Я пришла на собрание и плакала. Но плакала не потому, что меня ударили. Я плакала потому, что смогла не дать сдачи, не пустила руки в ход. Для меня это была победа: я поступила по-христиански.

Для прежней меня было естественно ответить ударом.

А теперь я увидела, что действительно могу поступить иначе.

Постепенно эта история закончилась. Позже та девочка вместе с общей знакомой приходила на наши христианские

собрания в ДК. Она слышала проповеди, видела, как я пою христианскую песню у рояля.

Возможно, тогда мои слова «у меня теперь другая жизнь» стали для неё понятнее.

Прошли десятилетия. Сегодня мы можем встретиться в городе и спокойно поздороваться.

Это давно осталось в прошлом.

Для меня важнее другое: в тот период я сама начала замечать, что прежняя жизнь действительно остаётся позади, а вера перестаёт быть только внутренним переживанием и начинает менять мои поступки.

Глава 10. Мои люди

Когда я пришла в первую церковь, мне не пришлось долго искать своё место.

Я практически сразу поняла:

это мои люди.

Мне нравились эти верующие.

Они казались мне добрыми, честными, порядочными.

Я быстро подружилась с пресвитером Виктором.

После собраний он развозил пожилых сестёр на своём бу-
сике. Иногда потом мы оставались возле ДК. Он специально
включал в машине свет, чтобы всё было открыто, чтобы нас
могли видеть люди.

А я задавала вопросы.

У меня всегда было много вопросов.

Он отвечал.

Наверное, впервые в моей жизни незнание перестало быть
поводом для стыда.

В школе, если ты не понимаешь, на тебя могли накричать.

Здесь я могла спросить:

«А почему?»

«А что здесь написано?»

«А как это понимать?»

И со мной разговаривали.

Я сразу начала служить.

Занималась с детьми.

Пошла петь в хор.

Вела библиотеку.

Ходила проповедовать в больницы и школы.

Мне не понадобились годы, чтобы почувствовать себя частью церкви.

Я была как рыба в воде.

Я познакомилась с сестрой Ниной.

Мы молились.

Когда я уходила, она поцеловала меня в щёку.

Сегодня это кажется мелочью.

Но тогда я была потрясена.

Меня можно вот так принять?

Меня можно любить?

Почему-то это было для меня удивительным.

Наверное, любви в моей жизни всё-таки было меньше, чем мне хотелось признавать.

И Бог стал давать мне её через совершенно разных людей.

Были Александр и его жена Вера.

Они принимали меня.

Заботились.

Мы с Александром вместе ходили проповедовать.

Была Неля, сестра Веры.

Мы подружились.

Однажды в самом начале своей церковной жизни я сказала ей:

- Как хорошо, что я попала именно в нашу церковь. Я ведь вообще не знала, куда идти. Говорят, у нас даже баптисты есть. Представляешь, если бы я к ним попала?

Неля мудро промолчала.

Она не сказала мне:

«Так мы и есть баптисты».

Я узнала об этом немного позже.

Но к тому времени уже знала этих людей.

Любила их.

Знала, во что они верят.

И слово «баптист» перестало быть страшным ярлыком.

Я узнала, что означает это слово.

И уже могла совершенно спокойно сказать:

- Да. Я баптистка.

Мне не было стыдно.

Я больше не хотела верить только «в душе».

Почему я всё-таки ушла

Со временем у меня появились вопросы, на которые в первой церкви я не находила ответа. Особенно меня занимало крещение Святым Духом, дары и иные языки.

Мне объясняли, что подобные проявления относились к другому времени и сегодня их уже нет. Но я читала Писание и не находила для себя основания с этим согласиться.

Я стала бывать в другой церкви, где эти места Писания понимали иначе, и в какой-то момент осталась там. Позже я пережила то, что сама называю крещением Святым Духом. Первая церковь отлучила меня.

Это было болезненно, но любви к тем людям во мне не уничтожило. Спустя годы я могла снова прийти туда, сесть на собрании и понять: я уже выросла из этого периода, но они всё равно остаются моими. Именно через них Бог заложил во мне уважение к Писанию, серьёзность веры и привычку всё проверять Словом.

Глава 11. Ты мне нужен

Впервые я познакомилась с Димой совсем не как с мужчиной, который однажды станет моим мужем.

Более того, такая мысль показалась бы мне тогда совершенно нелепой.

Он встречался с одной девушкой из нашей христианской компании. Она была мне сестрой во Христе, и именно через неё мы и познакомились.

Дима пришёл к Богу со своей тяжёлой нуждой. В тот момент она занимала практически всё его внутреннее пространство. Я пыталась говорить с ним о Евангелии, о Боге, о том, что считала важным, а он снова и снова возвращался к одному и тому же - к своей проблеме.

Мне было трудно с ним разговаривать.

Сегодня, имея гораздо больше опыта душепопечения, я понимаю то, чего не понимала тогда. Человек, который полностью заполнен своей болью, иногда просто не способен вместить ещё что-то. Сначала ему нужно дать возможность сказать то, чем он переполнен. Услышать его. Помочь освободить внутри хотя бы немного места.

А я тогда пыталась сразу поместить туда новое.

Наверное, поэтому мы словно разговаривали каждый о своём.

Да и вообще Дима был совершенно не моего типажа.

Мне он не нравился как мужчина.

Я не смотрела на него и не думала: «Вот какой интересный человек».

Ничего подобного.

К тому же он встречался с другой девушкой.

Какие здесь вообще могли быть варианты?

И всё-таки именно в тот период произошло нечто, чего я тогда совершенно не поняла.

Мы сидели компанией. Девушки общались между собой, а Дима просто прошёл мимо нас через комнату.

И вдруг внутри я совершенно ясно услышала:

«Это твой муж».

Я сразу же отмела эту мысль.

Что за глупость?

Откуда вообще это взялось?

Я никому ничего не сказала.

Даже сама не захотела об этом думать.

Он мне не нравился.

Он был парнем другой девушки.

И я просто заглушила услышанное.

Не жених

Позже их отношения закончились.

У них что-то не сложилось, они не смогли найти общий язык, и какое-то время Дима вообще ни с кем не встречался.

Я тоже никого не искала.

Скорее наоборот.

Мы все были молодыми, в церкви было много молодых братьев и сестёр, люди знакомились, кому-то кто-то нравился, кто-то объяснялся в чувствах.

А мне в какой-то момент уже хотелось просто избежать очередного мужского внимания.

И вот здесь Дима оказался для меня очень удобным человеком.

Потому что я была совершенно уверена:

он - точно не жених.

С ним можно спокойно общаться.

Не надо ждать признаний.

Не надо думать, что он сейчас начнёт за мной ухаживать.

Он мне не нравился как потенциальный муж, а потому рядом с ним я чувствовала себя свободно.

Ему тоже в тот период просто нужен был человек для общения.

Так мы и начали больше разговаривать.

Без романтики.

Без бабочек в животе.

Без того состояния, когда человек постоянно думает о другом и ждёт встречи.

Я прекрасно знала, что такое влюблённость.

С Димой этого не было.

«А ты скоро женишься»

Однажды мы снова сидели в нашей христианской компании, пили чай.

Так получилось, что за общими столами всем не хватило места, и мы с Димой оказались вдвоём за маленьким столиком.

Просто сидели и разговаривали.

И вдруг он сказал:

- Я бы хотел жениться. Я вообще человек семейный.

И в эту секунду я вдруг совершенно ясно поняла:
он скоро женится.

Это было не рассуждение.

Не догадка.

Не логический вывод.

Я просто знала.

И сказала:

- А ты скоро женишься.

Дима рассмеялся.

- Да на ком?

Вопрос был совершенно естественный. Девушки у него не было.

И в тот же момент внутри я знала ответ:
на мне.

Вот этого я уже вслух не сказала.

Я опять замолчала.

Потому что сама была совершенно не готова принять то, что знала.

Сначала: «Это твой муж».

Теперь: «Он женится на тебе».

А внутри меня по-прежнему не было той влюблённости, которую я считала естественным началом отношений между мужчиной и женщиной.

Поэтому я снова просто оставила всё внутри.

Что между нами?

Мы продолжали общаться.

Потом всё чаще.

И в какой-то момент наше общение уже перестало быть просто случайными разговорами двух людей из одной компании.

Хотя и здесь ничего не происходило так, как обычно рассказывают о влюблённых.

Я не летала.

Не ждала свиданий.

Не чувствовала никаких особенных «бабочек».

А Диме однажды захотелось определённости.

Он спросил меня примерно так:

- Я вообще не понимаю. Ты мне девушка или не девушка?

Кто мы друг другу?

И вот тогда мне пришлось впервые самой заглянуть внутрь себя.

Я не могла сказать ему:

- Нет, мы просто друзья.

Но и привычного:

- Да, конечно, я твоя девушка, я в тебя влюблена, -
во мне тоже не было.

Я подумала и сказала ему совершенно честно:

- Ты знаешь, я не могу ответить на твой вопрос. Но я точ-

но знаю одно: ты мне нужен. Я даже не знаю зачем. Но почему-то ты мне нужен.

Это было всё, что я тогда могла сказать о своих чувствах. Сегодня я понимаю их намного лучше.

Наверное, я уже любила Диму.

Просто тогда ещё не знала, что любовь необязательно начинается с влюблённости.

Иногда это совсем другое чувство.

Более тихое.

Глубокое.

Ты не можешь даже толком объяснить, почему этот человек тебе нужен, но внутри есть ощущение, словно какая-то часть картины неожиданно встала на своё место.

Как пазл.

И ты вдруг понимаешь: здесь он должен быть.

После того разговора мы уже постепенно стали парнем и девушкой.

Когда свадьба?

В вопросах веры, служения, общения с людьми я могла быть довольно смелой.

Но в личных отношениях была совсем другой.

Закрытой.

Застенчивой.

Где-то даже закомплексованной.

Наверное, поэтому у нас с Димой не было красивого киношного предложения руки и сердца.

Всё произошло совершенно иначе.

Мы сидели в компании друзей. Там была моя подруга с мужем.

И кто-то начал шутить:

- Ну что, когда вы уже поженитесь?

Сначала все смеялись.

Потом шутка каким-то образом перешла в серьёзный разговор.

А к концу вечера оказалось, что мы уже практически определили дату свадьбы.

Сейчас, если рассказывать это со стороны, может показаться странным.

Как будто люди случайно сидели за столом - и вдруг решили пожениться.

Но тогда я не воспринимала это странностью.

Скорее наоборот.

Во всём было какое-то внутреннее ощущение Божьего провидения.

Не было бурной истории любви.

Не было долгих сомнений.

Просто один шаг приводил к следующему.

И однажды стало понятно:

мы поженимся.

Благословение

Свадьба получилась очень весёлой.

Она проходила в нашей церкви.

Церковь тогда была ещё сравнительно молодой, и, насколько я помню, наша свадьба была одной из первых, которую провели именно таким образом.

Ведущими стали та самая подруга с мужем, рядом с которыми когда-то и начался разговор:

«Когда вы поженитесь?»

Было очень живо, легко, интересно.

В церкви состоялось то, что мы тогда называли не венчанием, а благословением.

Пастор благословлял нашу семью.

Церковь молилась за нас.

И вот что интересно: в день свадьбы у меня не было внутреннего удивления:

«Неужели я теперь замужем?»

«Неужели у меня муж?»

Нет.

Это воспринималось совершенно естественно.

Как будто именно так и должно быть.

Позже, когда родился Юрик, я совсем иначе пережила появление новой роли.

Я смотрела на ребёнка и удивлялась:

«Я мама? Я правда мама? У меня есть сын?»

А с Димой такого не было.

Он просто стал моим мужем.

И это не удивляло.

Наше первое жильё

После свадьбы мы стали жить в квартире, которую я снимала ещё до замужества.

Это тоже почти не обсуждалось.

Просто было жильё - вот там и начали семейную жизнь.

Времена были непростые.

Дима работал.

А я почему-то уволилась со своей работы.

Сегодня понимаю, что это было ошибкой. Правильнее было бы уйти потом в декретный отпуск, но тогда я об этом как-то не подумала.

Я оставалась дома.

Квартиру мы обустроивали насколько могли, но особенно вкладываться в съёмное жильё не собирались.

И всё-таки нам там было хорошо.

Мы были молодыми.

Начинали жить вместе.

Часто ходили к Диминой маме, иногда оставались там ночевать.

Дима любил посмотреть телевизор - какой-нибудь фильм или программу.

Мне это было гораздо менее интересно.

Мы уже тогда во многих мелочах были совершенно разными.

Но учились жить рядом с этой разностью.

Открытое окно

Почти сразу после свадьбы я забеременела.

И начался страшный токсикоз.

Только я тогда ещё толком не понимала, что со мной происходит.

Особенно меня тошнило от запаха духов.

Причём от тех самых духов, которые я сама когда-то подарила Диме.

Сказать ему толком:

«Не пользуйся ими, потому что меня от них мутит»,
я почему-то не могла.

Мне всё время хотелось свежего воздуха.

Я открывала окно.

Мне было хорошо.

Диме было холодно.

Мне хотелось спать отдельно, потому что в комнате с открытым окном я хотя бы могла дышать.

Я была занята своим состоянием и совершенно не понимала, как всё это выглядит со стороны.

А Дима чувствовал моё отдаление.

Ему казалось, что я стала невнимательной к нему.

Он говорил об этом.

А я, в свою очередь, переживала это как отверженность.

Получалось странно:

он не понимал меня.

Я не понимала его.

А на самом деле мы оба просто не понимали, что происходит.

К середине беременности токсикоз прошёл.

И всё стало намного спокойнее.

Мы снова жили как дружная молодая семья.

Готовились к рождению ребёнка.

Налаживали быт.

Обустроивали своё маленькое гнездо.

А потом родился Юра.

Теперь нас трое

После родов Дима почему-то не повёз меня сразу в нашу съёмную квартиру.

Он вместе со своей мамой решил, что первое время мне с ребёнком будет лучше пожить у неё.

Там мне смогут помочь.

Когда я узнала об этом решении, сначала была недовольна.

Почему решили без меня?

Я вообще-то собиралась домой.

Но позже поняла, что они были правы.

Первые месяцы с младенцем помощь действительно была очень нужна.

Мы жили у Диминой мамы, хотя свою съёмную квартиру продолжали оплачивать.

Иногда ходили туда.

Потом постепенно собирались возвращаться.

Но тут произошёл совершенно нелепый случай.

Однажды мы пришли в квартиру и не смогли открыть дверь.

Замок был заменён.

Оказалось, что у хозяйки выходила замуж дочь, и свадьбу решили провести именно в нашей съёмной квартире.

Наши вещи аккуратно сложили.

Квартиру украсили.

Но нам ничего не сказали.

Наверное, если бы хозяйка просто заранее объяснила:

«Так получилось, нам очень нужно на один день использовать квартиру»,

никакого конфликта вообще не возникло бы.

Но нас поставили перед фактом и ещё не хотели впускать внутрь.

Мы расстроились.

Начали выяснять отношения.

Даже вызвали полицию, чтобы спокойно забрать свои вещи.

Сегодня вся эта история кажется мне довольно глупой.

Конфликт буквально возник на ровном месте.

Но именно после него мы решили:

всё, больше здесь не живём.

И начали искать квартиру.

Глава 12. Выйти в море

Во вторую церковь я перешла практически сразу.

Для меня это не было долгим мучительным выбором. К тому времени я уже достаточно хорошо понимала, во что верю, и увидела людей, которые разделяли мою веру.

Если попытаться объяснить моё тогдашнее ощущение образно, я бы сказала так: в первой церкви я словно жила в реке, а здесь вышла в море.

Река дала мне очень многое. Именно там закладывался мой фундамент, там меня учили серьёзно относиться к Писанию, там я впервые вошла в настоящую церковную жизнь. И я никогда не перечёркивала этот период.

Но во второй церкви передо мной открылось гораздо больше пространства.

Мне хотелось идти глубже.

Хотелось изучать.

Задавать вопросы.

Разбираться.

И здесь для этого был простор.

Наверное, океан — это уже сегодняшний этап моей жизни. Тогда всё-таки было море.

Но после реки оно казалось огромным.

Слово

Больше всего меня захватило Писание.

Люди могли долго сидеть вместе и разговаривать о Слове. Причём это не были просто рассуждения в духе: «Мне кажется» или «Я думаю».

Если человек что-то утверждал, он искал подтверждение в Библии.

Мы разбирали отдельные стихи.

Главы.

Контекст.

Историю церкви.

Пытались понять, почему христиане в разные времена верили именно так, откуда появились определённые традиции, что действительно написано в Писании, а что люди просто привыкли повторять.

Мне это нравилось невероятно.

Я никогда не боялась вопросов.

Наоборот, когда у меня возникал вопрос, мне хотелось добраться до ответа.

И если ответ не находился сразу, это не раздражало меня — это только сильнее заставляло искать.

Особенно меня привлекали темы, о которых в традиционных церквях, где я бывала раньше, говорили мало или почти не говорили.

Дары Святого Духа.

Действие Духа Святого сегодня.

Служение дарами.

Всё это было для меня не чем-то экзотическим.

Мне хотелось понять: что об этом говорит Библия?

И если это есть в Писании, значит, я хотела знать больше.

Снова в служении

Как и в первой церкви, мне не понадобилось много времени, чтобы войти в жизнь общины.

Практически сразу я снова стала заниматься с детьми.

Позже начала петь.

Только музыка здесь была другой. Церковь была более харизматической, поэтому и прославление отличалось от того, к чему я привыкла раньше.

Но сама возможность служить была для меня совершенно естественной.

Я никогда не относилась к церкви как к месту, куда человек приходит только посидеть на собрании, послушать проповедь и уйти домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.